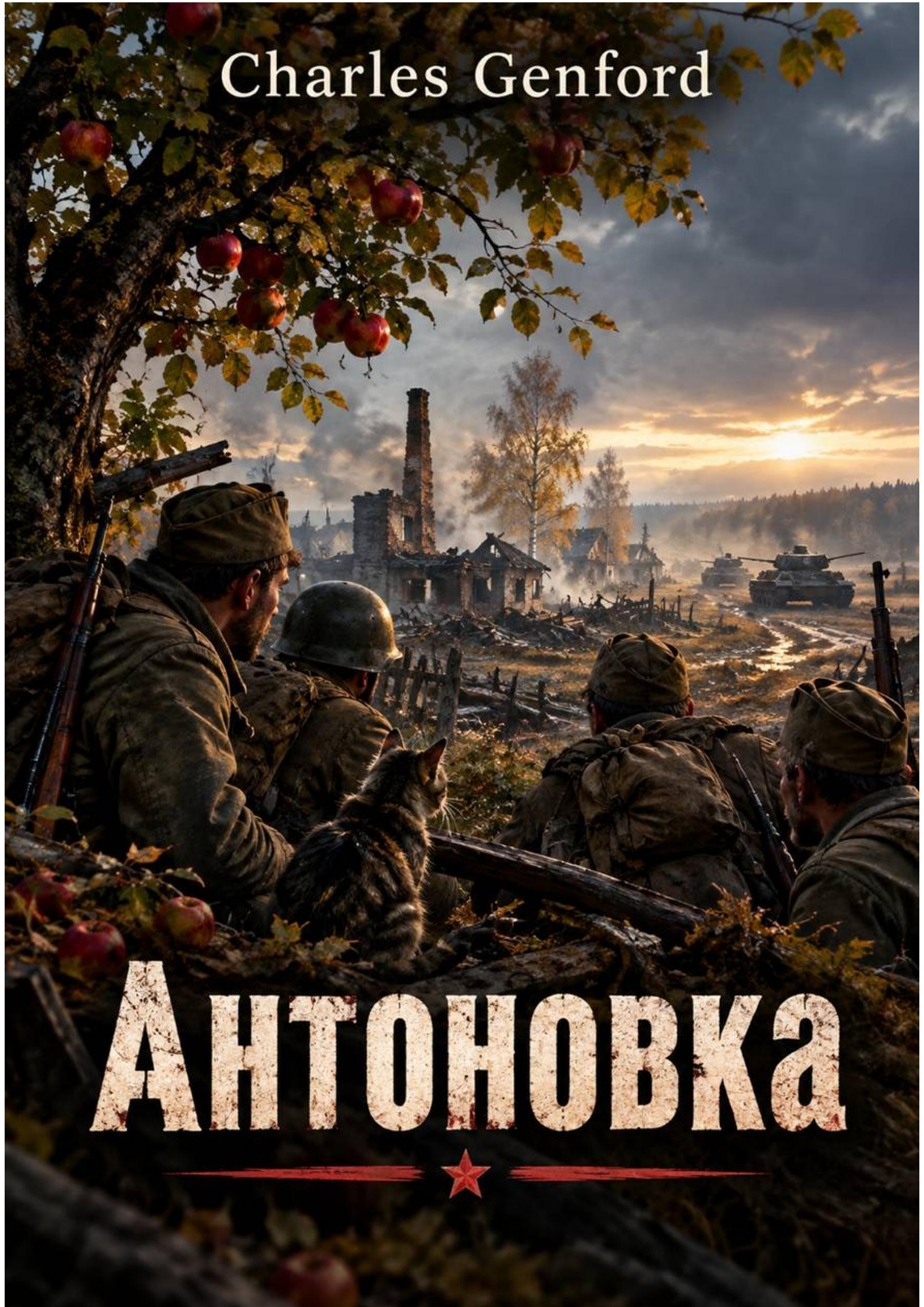

The image is a full-page background illustration for a book cover. It depicts a war-torn landscape at sunset. In the foreground, four soldiers in Soviet-style uniforms are seen from behind, looking out over a battlefield. A small, fluffy tabby cat sits among them. The middle ground shows a path leading through a field of rubble towards two tanks. In the background, a village has been destroyed, with one tall brick chimney standing as a lone remnant. The sky is filled with dramatic, orange-hued clouds. The overall mood is somber and reflective.

Charles Genford

АНТОНОВКА

Charles Genford

АНТОНОВКА

«Автор»

2026

Genford C.

Антоновка / С. Genford — «Автор», 2026

Октябрь 1942 года. Четверо красноармейцев пробираются через леса западнее Ржева. Они пытаются найти дорогу к своим. За спиной – проигранное сражение. Впереди их поджидает неизвестность. Очередная выжженная деревня встречает их чёрными печами и запахом мокрой золы. И только чудом уцелевшие яблони напоминают о жизни, которая недавно тут была ключом. Но даже короткая передышка может обернуться смертельной опасностью. Когда впереди появляется немецкая танковая колонна, случайная оплошность грозит погубить весь отряд. Ситуацию спасает бездомный кот. История о войне, памяти и доме. И о том, как важно оставаться человеком там, где уже не осталось ничего живого.

© Genford C., 2026

© Автор, 2026

Charles Genford

АНТОНОВКА

Антоновка

Седьмое октября 1942 года. Калининская область, западнее Ржева.

Октябрьская распутица навалилась на леса подо Ржевом чугунной тяжестью. Небо опустилось до верхушек облысевших берёз. Серое и сырое, оно напоминало солдатское исподнее, выстиранное в луже. Дождь вёл себя как капризный ребёнок, которого мать только уложила спать. То затихал на время, то вдруг снова принимался плакать, въедаясь мелкой ледяной пылью в сукно шинелей.

Четвёрка пробиралась опушками уже вторую неделю – с тех пор как немцы разметали их часть под Сычёвкой. Держались подальше от дорог. Шли на восток. Ориентировались по гулу артиллерии, который звучал вроде бы недалеко, но всё никак не приближался.

Впереди, раздвигая мокрые ветки ольшаника, шёл Вахтанг Сихарулидзе. Его трёхлинейка с прицелом ПУ была замотана старой фланелью, чтобы уберечь стёкла от измороси. Время от времени он замирал и смотрел в прицел. Вновь остановился, поднял руку и обернулся. Остальные подтянулись без лишнего шума.

Деревня Выселки, которую они надеялись застать живой, встретила их мёртвыми трубами. Пожар был свежий, день-два от силы. Избы выгорели дотла. Только чёрные печи торчали из земли, как гнилые зубы. Пахло мокрой золой и удушливым дымом от сгоревшего жилья. Тряпки, половики, домашняя утварь.

Красноармейцы молча смотрели на эту картину. Первое время никто не проронил ни звука. О жителях не спрашивали. Никто не хотел слышать ответа.

– Тихо вроде, – хрипло шепнул Максим Свищев, опуская на колено ручной пулемёт. Диск тускло блестел от капель воды.

Максим и Алексей росли в одном дворе. Максим был крупный, широкий в кости, но по сравнению с двухметровым сослуживцем казался чуть ли не мальчишкой.

– Вахтанг?

– Ни малейшего движения, дорогой.

– Хорошо. Лёха, обойди справа. Шагов двести. За пленницей что?

Алексей Щенников молча кивнул и скрылся в кустах. Обгоревшая замасленная кожанка – всё, что осталось от его тридцатьчетвёрки после недавнего боя в вишнёвом саду.

«Эх, старушка, не проглядел бы ту зенитку – ехали бы сейчас вместе, а не ползал бы в кустах».

В руках он держал ТТ, а в кармане тихо постукивали две гранаты Ф-1. Жирная дизельная копоть намертво забила под ногти.

«Ёлки-палки, это ж сколько теперь руки песком оттирать придётся!»

Он вернулся через десять минут.

– Никого там нет. Ни наших, ни немчуры.

– Отлично, – слегка улыбнулся Максим. – Тогда двигаем, но осторожно.

Бойцы вышли к окраине через поваленный плетень. На фоне выжженной округи непривычно смотрелись целёхонькие яблони.

«Как оазис в пустыне», – мелькнуло в голове у Максима. «И странный аромат пробивается сквозь гарь».

– Вот тебе раз, – Алексей почесал голову. – Как такое возможно.

Вахтанг перекрестился.

Осенний ветер ударил по кронам. На истоптанную немецкими сапогами грязь посыпались листья, лимонные и багровые. Они укрывали воронки и осколки.

Но главное было не это.

Листва наполовину облетела, и на голых, узловатых ветках висели крупные восковые яблоки, зеленовато-жёлтые, почти стеклянные на фоне хмурого неба. Антоновка. Плоды пережили первые заморозки и налились ледяным соком. А пахли так, что у измученных мужчин словно по команде заурчали животы.

– Вах, вах, вах, ара! – Геворг опустил ППШ стволом вниз и шагнул под яблоню.

Поскользнувшись на падалице, он потерял равновесие и чертыхнулся.

– Вай, вай. Я свой, родная, свой! Не злой немец! Не обижу.

– Геворг, брат, что с тобой? – Лёха улыбался. – Уже успел набраться?

– Брат, я тебя перепью, тут спорить не о чем.

Все засмеялись.

Устояв, Геворг протянул руку и сорвал яблоко. Оно было ледяным, мокрым и тяжёлым.

Вахтанг присел на завалинку. Размотал фланель с прицела и положил винтовку на колено.

– Слушай, разве это фрукты? – Он принял от Геворга второе яблоко, покрутил его и осторожно куснул. Хруст в тишине вышел оглушительный.

Вахтанг зажмурился. Холод и кислота тут же свели челюсть.

– Вай, мои зубы! Сейчас в Батуми мандарины на ветках висят. Оранжевые как солнце, сладкие как мёд. Земля тёплая, виноград давят... А тут... Только лишний раз челюсть нагрузить.

– В Ереване тоже тепло, – подхватил Геворг, жадно высасывая сок. – Дома сейчас собирал бы виноград... Над склонами гор стоит сухой каменистый зной. Хорошо.

– Товарищи, – вмешался Максим. – Душой я в родном Иркутске. Хотя там сейчас холодно. Но имеем, что имеем.

Он сел на поваленное дерево и приставил пулемёт к стволу дерева, дулом вверх. Обтёр антоновку о штанину и откусил половину вместе с семечками.

– Да и антоновку нужно прочувствовать, – продолжил Максим. – Так бабка моя из-под Курска говаривала. У неё в погребе такие лежали. Геннадьич, помнишь? Положишь в бочку, соломой прикроешь и к январю такой запах, аж на всю избу.

Он сделал второй укус.

– Достанешь из погреба, а она прозрачная, как янтарь. Новым годом пахнет и родными стенами. Да и дух в ней что ни на есть русский. Мороз её бьёт, немцы жгут, а она висит. Ничего ей не делается. Лёха, а ты чего молчишь? Скажи им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.